

Доктор **Филип Аллен Грин**

ДЕРЖИ ЕГО ЗА РУКУ

Истории о жизни, смерти
и праве на ошибку
в экстренной медицине

Филип Аллен Грин

**Держи его за руку. Истории
о жизни, смерти и праве на
ошибку в экстренной медицине**

«Питер»

2015

УДК 159.923+614.88
ББК 88.372+53.50

Грин Ф.

Держи его за руку. Истории о жизни, смерти и праве на ошибку в экстренной медицине / Ф. Грин — «Питер», 2015

ISBN 978-5-4461-1377-4

Впервые доктор Грин издал эту книгу сам. Она стала бестселлером без поддержки издателей, получила сотни восторженных отзывов и попала на первые места рейтингов Amazon. Филипп Аллен Грин погружает читателя в невидимый эмоциональный ландшафт экстренной медицины. С пронзительной честностью и выразительностью он рассказывает о том, что открывается людям на хрупкой границе между жизнью и смертью, о тревожной памяти врачей, о страхах, о выгорании, о неистребимой надежде на чудо... Приготовьтесь стать глазами и руками доктора Грина в приемном покое маленькой больницы, затерянной в американской провинции.

УДК 159.923+614.88

ББК 88.372+53.50

ISBN 978-5-4461-1377-4

© Грин Ф., 2015

© Питер, 2015

Содержание

Ошибка	6
Переход	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Филип Аллен Грин
Держи его за руку. Истории
о жизни, смерти и праве на
ошибку в экстренной медицине

© 2015 Philip Allen Green M.D.

© Перевод на русский язык ООО Издательство «Питер», 2019

© Издание на русском языке, оформление ООО Издательство «Питер», 2019

* * *

Посвящается моей семье

Автор опирался на собственный врачебный опыт, но все истории, персонажи, детали и даже некоторые медицинские приемы являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, живущими или покинувшими этот мир, случайны. Никакие части этой книги не могут быть воспроизведены без письменного разрешения автора.

Ошибка

Иногда мне бывает скучно. Пациенты приходят только с ангиной и зубной болью. И в такие дни я чувствую себя скорее социальным работником и утешителем, чем врачом из приемного покоя. И тогда я играю в игру.

Я захожу в палату, не заглядывая в карту пациента. Я иду просто так. Я захожу, не представляя, кто там находится и почему. В первую секунду, пока человек не успел еще ничего сказать, я пытаюсь понять, кто он, какова его история и почему он оказался в приемном покое.

В этой игре больше смысла, чем может показаться. И я вам сейчас это продемонстрирую.

Я отдергиваю шторку и захожу в смотровую № 2. Быстро оглядевшись, стараюсь сразу же собрать максимум информации.

В палате трое.

Я совершенно сознательно не смотрю на пациента на кровати. С ним двое, мужчина и женщина. Мужчина сидит на жестком пластиковом стуле у стены, уставившись перед собой. Что ж, начнем с него. Я знаю, что, если внимательно наблюдать, то станет понятна вся история.

Я изучаю мужчину. Ему уже под пятьдесят. На нем угольно-черный деловой костюм. Хорошая, дорогая ткань. Белоснежная рубашка идеально отглажена и накрахмалена. Мужчина слегка наклонился вперед, и красный шелковый галстук блеснул, привлекая мое внимание. Красная ткань испещрена мелкими золотистыми квадратиками. Узел завязан с идеальной точностью и симметрией. Это явно что-то означает, и я присматриваюсь еще пристальнее.

На левой руке мужчины часы «Ролекс». Ремешок отливает серебром. Циферблат перламутрово-белый, с тремя стрелками, показывающими время. Самая маленькая бежит, отсчитывая секунду за секундой. Корпус часов золотой – он сразу же дает понять, что время этого человека стоит дорого.

Я наблюдаю за мужчиной. Он чуть-чуть сдвигает руку, и часы вмиг заливают комнату мириадами искр. Чтобы засверкать, им достаточно даже слабого света люминесцентных ламп. Я сразу же понимаю, что одни его часы стоят дороже машины, на которой я приехал сегодня утром на работу. Не могу не подумать: «Этот человек совсем не такой, как я».

Я отлично знаю, что с такими людьми нельзя расслабляться. Достаточно малейшего промаха в общении – и на больницу обрушится шквал писем и жалоб. Но это нормально. Я работаю уже давно, и меня это не пугает, не злит и даже не беспокоит. В этой комнате мне предстоит совершать ежедневный ритуал. Я мысленно советую себе быть осторожным и продолжаю изучение.

Волосы у мужчины черные, чуть тронутые сединой – волосы руководителя, мне кажется, они должны называться именно так. Густые, буквально дышащие мужской силой и энергией. Каждая прядка тщательно уложена. Волосы этого человека сверкают почти так же, как его часы.

Он поднимает голову, чтобы взглянуть на меня. Я замечаю, что маленькая прядка выбилась из идеальной прически. Чуть выше уха. Эта прядка нарушает идеальную линию стрижки, вносит ощущение неправильности. Совсем чуть-чуть, но все же. У такого мужчины это, может, и ничего не значит. И одновременно сразу все.

Что-то не так.

Мужчина чисто выбрит, кожа у него гладкая и здоровая. Тонкие, черные, почти итальянские брови. Светло-голубые интеллигентные глаза. Он смотрит на меня так же изучающе, как и я на него. Сильный подбородок довершает цельный образ. Ему не нужно улыбаться, чтобы я понял: зубы его идеальны, симметричны и абсолютно белы.

Под глазами я замечаю темные круги. Похоже, он плохо спал. Конечно, это лишь предположение, но круги говорят не просто об усталости. Возможно, какие-то события, помимо работы, начали оттягивать его силы, ранее направленные только на достижения. Впрочем,

может быть, это всего лишь следы, оставшиеся от очередного успешного слияния и поглощения. Я этого не знаю – пока не знаю.

Странно видеть такого человека здесь – даже если он просто сопровождает пациента. Я работаю в маленьком приемном покое крошечной больницы провинциального городка, затерянного в глуши. Я удивляюсь, как такой человек оказался в приемном покое именно здесь, вдали от мегаполисов. Он не похож на тех, кто приезжает на рыбалку или охоту. И уж точно он не похож на фермера. Но что-то привело его сюда, вырвало из его мира. Нечто такое, что не терпит отлагательств. Я присматриваюсь.

Морщины, складки и круги на его лице создают выражение, которое мне трудно понять. По крайней мере, с ходу. Я чувствую, что он мастерски контролирует эмоции. Но моя задача – читать по лицам и телам так же хорошо, как он читает биржевые бюллетени. В изгибе губ я улавливаю раздражение. Брови выдают гнев. В наклоне головы чувствуется легкий страх.

Но есть что-то еще, нечто такое, чего он не хочет показывать никому. Он скрывает это так хорошо, что даже при всем своем опыте я чуть было не упускаю это. Я наверняка упустил бы, если бы увидел мужчину в начале своей карьеры, 41 422 пациента тому назад. Но не сейчас.

В непроницаемой стальной броне, покрывающей этого человека, я замечаю тонкую, нежную нить, нить нежности и печали. Я не могу понять, что творится в душе этого человека, но понимаю, почему он хочет – нет, почему он *должен* – скрыть это от всего мира. Он старается скрыть это в прищуре глаз, за сверканием череды brutальных успехов. Но эта нить все равно остается с ним. Теперь я это вижу, вижу отчетливо. Печаль и нежность захлестнули его, как весеннее половодье, сбили с ног и потащили в ущелье, откуда ему не выбраться. Он тонет в этом водовороте печали, и ни деньги, ни власть, ни ярость не помогут ему выбраться.

Рядом с ним пустой стул.

Дальше сидит женщина.

Она чуть моложе мужчины.

Я не вижу ее лица, она отвернулась от меня.

Женщина уперлась локтями в колени и смотрит на экран смартфона. Она держит его нежно и любовно, словно младенца. Ярко-красные ногти выделяются на бело-золотом iPhone. Пальцы женщины длинные и элегантные, как у знаменитой пианистки или нейрохирурга. Она постукивает по иконкам, листает экраны, словно отправляя слуг исполнять свои поручения.

Руки у нее тонкие и гладкие, но довольно накачанные. Я замечаю небольшие крепкие бицепсы, четко обрисовавшиеся под кожей. Такие бицепсы буквально кричат про йогу, пилатес, личных тренеров, зеленые смузи и выведение токсинов из организма после обильных праздничных трапез.

Длинные русые волосы собраны на затылке в хвост и элегантно ниспадают до середины спины. Хвост скрепляет небольшая серебристая заколка, усыпанная сверкающими кристаллами, наверное, бриллиантами. Они сверкают даже ярче, чем «Ролекс» мужчины.

На женщине легкая шелковая рубашка золотистого цвета с глубоким вырезом на спине. Я хорошо вижу позвонки под кожей. Каждый позвонок – небольшой аккуратный бугорок, расположенный на равном расстоянии от верхнего и нижнего. Ничто не выбивается из общей картины, нет ничего ни слишком большого, ни слишком маленького. До этого момента я и не создавал, что позвоночник может быть столь безупречным.

Кожа покрыта красивым темным загаром. Она буквально сияет от веганской диеты и принимаемых витаминов. Женщина барабанит пальцами по экрану смартфона, и небольшие волны прокатываются по мышцам спины. Я замираю в почтительном восхищении перед этой царственной красотой, заглянувшей в наш скромный городок. Совершенно ясно, что жизнь этой холеной дамы ничем не похожа на мою.

На полу возле ее ног стоит сумочка с полукруглыми бамбуковыми ручками. Золотые и серебряные пряжки соединяют ручки с самой сумочкой. Бамбук отполирован до идеальной

гладкости. Ручки переливаются всеми оттенками коричневого. Кремово-белая полоса лишний раз подчеркивает благородство темных тонов и фактуру дерева.

На мой непросвещенный взгляд, цвет сумочки похож на цвет мокрой скаковой лошади, вышедшей из реки. Оттенок кожи отличается от бамбука. Я никогда прежде не видел такого коричневого цвета. Присмотревшись, я понимаю, что это яркий, глубокий, сияющий коричневый, сравнить который можно только со вспаханной по весне почвой. С землей, которую только что перевернули и разрыхлили. С землей, которая ждет семян, готовая поделиться с ними своей жизненной силой. Серебристые пряжки и бамбуковые кнопки гармонично дополняют эту сумочку.

Но тут я замечаю нечто странное – нечто ужасное, чего никогда не должно быть. Сумочка брошена. Идеальная коричневая кожа соприкасается с нашим истоптанным линолеумом. А содержимое рассыпалось под стулом, и женщина не поднимает свои вещи.

Моя секунда почти истекла.

Я поворачиваюсь к пациенту.

На постели лежит старик. Носы его потрепанных ковбойских сапог торчат вверх, как два острых камня в поле. На сапогах я замечаю прилипшие солому и грязь. Мусор осыпался прямо на простыни. На старике вылинявшие голубые джинсы. И на них я тоже вижу следы фермерского труда в поле.

Старика должны были переодеть в больничную одежду. Так поступают со всеми пациентами. Но местные мужчины всегда отказываются снимать ботинки и джинсы. Иногда, входя в палату, я вижу их в ковбойских шляпах. Так живут в этом захолустье.

На бедрах джинсы вылиняли сильнее – наверное, он часто вытирал о них руки, когда работал в поле. Наверное, он правша, потому что правое бедро вылиняло сильнее левого. Широкий кожаный ремень с пряжкой шириной в два кулака удерживает джинсы на талии – старик очень худ.

Пряжка ремня плоская и серебристая. Я замечаю на ней какое-то изображение. Мустанг взвился на дыбы, ковбой одной рукой держит поводья, а другую вытянул, чтобы сохранить равновесие. Шляпа взмывает над его головой. Вверху надпись «Чемпион Пендлтона 1942», внизу «Только вперед». Странно, но я понимаю, что и этот человек не похож на меня.

Старик лежит на кровати без рубашки. Грудь его поросла седыми волосами. На груди татуировка: два морских пехотинца поднимают флаг над Иводзимой. Пациент прерывисто дышит, и татуировка то поднимается, то опускается.

Я всматриваюсь в его лицо.

Старик явно устал и уже готов прекратить борьбу. Волосы его исчезли от химиотерапии, остались только брови. Кожа обвисла, свет в глазах угас. Он безразлично смотрит перед собой. На лбу выступили капли пота. Конец близок.

Мужчина и женщина поднимаются навстречу мне. Женщина стоит с одной стороны кровати, мужчина с другой. Женщина положила свою украшенную бриллиантами руку на плечо старика. Пальцы мужчины с нежностью поглаживают его жилистую, дочерна загорелую шею.

Я перевожу взгляд с одного на другого. И у всех я с удивлением вижу слезы. Слезы катятся по похожим носам, щекам, подбородкам. Слезы текут из одинаковых голубых глаз. Картинка сложилась!

Дочь и сын вернулись домой, чтобы проститься с отцом.

Я смотрю, как брат и сестра садятся у постели. Старик все еще судорожно хватается ртом воздух. Неожиданно он замечает детей. Он с трудом поднимает руки. Брат и сестра наклоняются к отцу. Он обнимает их за плечи, словно они еще маленькие. Они прижимаются к изможденному болезнью телу. Старик тяжело вздыхает и ждет конца.

Я стою перед ними – и у меня неожиданно наступает прозрение.

Я совершил ужасную ошибку.

Эти люди такие же, как я...

Переход

В те времена, когда цвет крови еще казался мне ярким, а от звука сирен сердце начинало учащенно биться, в те времена, когда я ловко управлялся с пациентами приемного покоя, как ковбой – с двумя пистолетами на поясе, тогда я ходил по приемному покою и болтал чепуху.

– Ну что ж, приступим, – говорил я. – Приступим.

Я только что окончил ординатуру, завершил курс обучения. Я был молодым доктором в новеньком белом халате и стремился испытать себя и свои умения. Я был готов ко всему, что подбросит мне мир.

– Приступим, – говорил я.

И мир принимал мой вызов.

И подбрасывал.

* * *

Ей семнадцать. На ней бело-голубая футбольная форма, все еще влажная от пота после тренировки. На груди я вижу большую белую цифру «7». Над номером – маленький тигренок, талисман. Он выпустил когти, прижал уши и припал к земле, готовый броситься на того, кто по глупости решит оспорить его первенство.

На каждом рукаве маленькие цифры «7», окруженные футбольными мячиками, – полагаю, каждый мячик означает забитый девушкой гол. Мне хочется остановиться и посчитать забитые голы, но у меня нет времени. «Надо же, – думаю я, – а она немало голов забила». Мячики символизируют столько голов, что я искренне изумляюсь. За ними семерку почти не видно. Счастливую семерку.

У девушки прямые русые волосы, собранные в хвост на затылке, чтобы не мешать во время тренировки. Волосы удерживает тонкая резинка.

Я подхожу к ней справа. Ее привезли несколько секунд назад. Кожа лица у девушки ровная и гладкая, с несколькими прыщиками. Каждый прыщик старательно замазан тональным кремом. На зубах у нее брекеты. Судя по выражению лица, девушка любит лошадей, кошек или щенков, а может, и всех сразу. Я моментально чувствую в молодых эту счастливую доброту по отношению к жизни, когда весь их мир состоит из дней рождений с воздушными шариками, любящих родителей и заботливых учителей. Ей нравятся браслеты. Не изысканные серебряные штучки, а дешевые, пластиковые или из резинок – такие носят подростки. Все правое запястье покрыто браслетами, словно одной широкой разноцветной резиновой лентой. Из браслетов выглядывают глазки старых часов Hello Kitty. Школьная куртка упала с каталки и валяется на полу. Я вижу на ней четыре футбольных значка, приколотых над буквами названия команды колледжа. Наверное, девушка уже заканчивает учебу. Еще четыре значка она заслужила за кросс и четыре – за баскетбол. Судя по всему, жизнь у нее напряженная.

Я отпихиваю куртку в сторону, чтобы встать прямо у изголовья кровати и провести осмотр. В приемном покое царит хаос – много народу, громкие нервные голоса, позвякивание инструментов, звук рвущейся упаковки одноразовых шприцев, трубок и катетеров. Отделение живет своей жизнью.

– Родители приедут через тридцать пять минут! – кричит кто-то.

Да, на этой девушке чисто девичьи разноцветные браслеты и часы Hello Kitty, но им меня не обмануть. Я знаю, кто эта девушка.

Она – боевой конь.

Она настоящая спортсменка. По-настоящему атлетичная.

Я вижу напряженные и подрагивающие мышцы на ее правой руке и ноге. Они способны мгновенно рвануться и прийти в движение. Девушка готова пересечь любое футбольное поле и атаковать ворота противника, готова забить победный гол с такой силой, что вратаря попросту сметет.

Я начинаю осмотр.

Я обследую ее голову. Сначала свечу фонариком в правый глаз. От света зрачок сужается, как и должно быть. Я отвожу фонарик, и зрачок расширяется. Рефлекс абсолютно здоровый – такой девушка и была девятнадцать минут и восемнадцать секунд назад.

Я осматриваю ее правое ухо. Барабанная перепонка розовая, как ногти на правой руке девушки. Об этом я как-то забыл. Ногти у девушки розовые, но в лаке есть блестки, которые отражают свет. Правая барабанная перепонка не блестит. Она просто розовая. Ухо ничем не примечательное. Мочка проколота. В ухе я вижу маленькую серебряную сережку в форме футбольного мяча. Мысленно я представляю, с какой радостью и восторгом она открывала коробочку с этими маленькими футбольными сережками в день рождения. Я не знаю, какую сережку увижу в ее левом ухе – может быть, это будет волейбольный мяч или мяч для софтбола. Это было бы неудивительно. У нее столько значков – стипендия в колледже ей давно обеспечена.

Я достаю стетоскоп и начинаю слушать. Легкое чистое. Каждый вдох сильный и здоровый. Эта девушка могла бы пробежать милю меньше чем за семь минут на одном лишь правом легком. Я поднимаю стетоскоп, пока сестра специальными ножницами разрезает форму со счастливым номером «7». Я вижу, как несколько футбольных мячиков под большими блестящими лезвиями распадаются на половинки.

Перехожу к животу. Правая сторона не напряжена, она мягкая, как и должно быть. Я ощущаю под пальцами печень – не потому что девушка пьет, а потому что жира у нее не больше восьми процентов. Если бы она напрягла живот, то округлый нижний край печени, несомненно, скрылся бы под твердыми мышцами, которые перекачиваются под кожей.

Мысленно я вижу, как футбольная команда под палящим августовским солнцем выполняет приседание за приседанием. Я слышу, как девушка кричит подругам по команде: «В этом году мы победим на чемпионате штата! В этом году мы победим на чемпионате штата!» И подруги откликаются с той же энергией и яростью: «В этом году мы победим!» Тренер стоит рядом, уперев руки в бока, и с восхищением качает головой. У него никогда еще не было столь мотивированного и упорного игрока, яростно желающего победить.

С правой стороной таза все в порядке. Правое бедро выглядит нормально. Я нажимаю, чтобы выявить признаки вывиха или перелома. Все в порядке. Тазовые кости, по крайней мере справа, находятся в нормальном состоянии. Кости пружинят под моим нажимом – наверное, так же энергично вскакивает девушка, когда противники сбивают ее с ног.

Под футбольными шортами на девушке голубые эластичные шортики для бега. Они плотно облегают верхнюю часть правого бедра. Мышцы даже сейчас сохраняют форму. Я чувствую, что это результат усердных тренировок, энергичного спринта, забегов на длинные дистанции и дней, проведенных в спортивном зале в мечтах о чемпионате штата. Мысленно я слышу голос девушки. «Я приведу команду к победе! Я приведу команду к победе!» – твердит она, занимаясь на тренажере для ног, которым пользуются все футболисты. Она занимается, пока ноги не перестают ее слушаться, а кожа не начинает блестеть от пота.

Руками в перчатках я ощупываю правую ногу, выискивая травмы или растяжения. Ничего. Моя рука не может обхватить ее правый квадрицепс, и я сразу же думаю о бесчисленных приседаниях, которые она выполняет каждое утро перед уроками. Я вижу, как она изматывает себя до предела, уставившись на фотографию на стене: ее команда принимает кубок за второе место на чемпионате штата в прошлом году.

Но не в этом.

«Я приведу команду к победе!» – твердит она. Она целый год поднимается в половине пятого и пробегает пять миль¹ в темноте под дождем, снегом и ветром. Она изматывает себя, свое тело и свою команду до предела. В этом году она капитан. Она старшая. Она лидер. «Я приведу команду к победе на чемпионате штата!» – твердит она, хватая ртом воздух. Под декабрьским дождем тускло светят уличные фонари. Мимо проезжает мальчишка-газетчик. Он недоверчиво трясет головой, увидев девушку в футбольных шортах, которая пробегает мимо него в такую рань.

С правым коленом тоже все в порядке. Ни вывихов, ни растяжений. Со связками все отлично. Большеберцовая кость ровная и длинная. С такими длинными ногами и накачанными мышцами она, наверное, была настоящей фурией на поле, а на беговой дорожке обгоняла 95 процентов мальчишек.

Но ей этого было мало.

«Я приведу команду к победе на чемпионате штата!» – твердит она себе каждый вечер, глядя в свое отражение в зеркале. Она повторяет это снова и снова, пока не засыпает. И просыпается она с той же мыслью.

Я осматриваю ее правую ступню. На ней бело-голубые футбольные кроссовки «адидас», идеально подходящие к ее форме. Шипы на подошве только начали стираться. Думаю, она часто надевала новые кроссовки на тренировку. Вся команда зависит от нее. Она звезда, альфа. Именно благодаря ей через восемь дней команда будет играть на чемпионате штата – второй год подряд.

Достаточно взглянуть на нее, чтобы понять: в этом году студенты колледжа присутствовали на всех играх своей команды. Все хотели поймать взгляд девушки, которая смогла возглавить команду и уверенно повела ее к чемпионскому титулу. Нет, потрёпанные кроссовки не для этих ног. Слишком многое – и слишком многие! – зависит от них.

«Я приведу команду к победе на чемпионате штата!» – мысленно слышу я в последний раз.

Я обхожу изголовье кровати и начинаю обследовать левую сторону ее тела.

Волосы упали ей на лицо. Из рта торчит пластиковая эндотрахеальная трубка, чтобы она могла дышать. Я не обращаю на это внимания. Я свечу фонариком в ее левый глаз. Я вижу гигантскую черную дыру, втягивающую в себя все чемпионаты, всю команду, всех тех, чьей жизни коснулась эта девушка. Я вижу пустую, бездонную черноту.

Зрачок расширен. Он не реагирует на свет, потому что что-то происходит в мозгу этой девушки, что-то кровоточит и расширяется, давя и сплющивая ее потенциал в ограниченном пространстве черепа. Все то, кем она является и кем может стать, секунда за секундой исчезает в этой бездне.

Я отвожу волосы с левого уха девушки. Волосы слиплись и стали жесткими от запекшейся крови. Мне приходится отдирать их от кожи. Они шуршат, как сухая паста, и трескаются под пальцами.

Я заглядываю в левое ухо. Барабанная перепонка темная. За ней скопилась кровь и теперь выдавливает ее наружу. Где-то произошел перелом черепа, где-то там, за ухом. Похоже, будущему этой девушки пришел конец. Просто я еще этого не вижу.

Я прошупываю позвоночник в области шеи. Шея тонкая и длинная. Представляю, как девушка мотала головой, злясь на подруг по команде, которые играли не в полную силу. «Я приведу команду к победе!» – кричала она. «В этом году мы станем чемпионами штата!» – подхватывали остальные и изо всех сил старались ни в чем не уступать своему бесстрашному капитану. Я прошупываю шею позвонок за позвонком. Позвонок за позвонком... Я прошупываю

¹ Около 8 км. – *Примеч. ред.*

ваю шею, как слепой, который читает азбуку Брайля. И вот я нахожу тот, что стоит не на месте. Вот он.

Шейные позвонки защищают спинной мозг. Когда кости сдвигаются, он повреждается. Спинной мозг не рассчитан на растяжение. Иногда, если приложить слишком большую силу, он не выдерживает. Кости ломаются и разрывают или перерезают спинной мозг. Пальцы сигнализируют мне, что этот позвонок выступает слишком сильно. Даже если в нашем маленьком приемном покое дежурил бы лучший нейрохирург, он ничего не смог бы сделать.

Я перехожу к левой стороне тела. Когда я прикладываю стетоскоп к коже, она хрустит, как воздушный рис. Даже мизерного веса моего стетоскопа для девушки слишком много. Я чувствую, как сжимается ее грудь. Похоже, ребра сломаны, они повредили легкое. Я прислушиваюсь. Дыхание девушки прерывистое, хриплое и темное – если звук может быть темным. Я понимаю, что она действительно дышит только правым легким. Сейчас ее тело бежит ту самую милю за четыре минуты на одном легком. Я слышу, как в левом легком что-то клокочет. Оно полно жидкости – жидкость проникла в легкое, когда то рухнуло, как старый рекорд под ударом нового чемпиона.

Я нажимаю на левую сторону живота девушки, пальцы мои прощупывают внутренности. Живот более напряжен, чем всего тридцать секунд назад. Нижние левые ребра грудной клетки расходятся ровно настолько, чтобы я понял масштабы бедствия. Эти ребра защищают селезенку, как вратарь ворот. На сей раз они не справились. Мне не нужен ультразвук или томограф, чтобы понять: селезенка разорвалась. Взорвалась, как взорвались трибуны, когда эта девушка забила решающий гол на последней минуте игры, которая вывела ее команду на чемпионат штата в этом году.

«Мы не уступим!» – кричала она своей команде. «Мы станем чемпионами штата!» – отвечали ей. Таз девушки стабилен.

Это хорошо. Я так думаю.

В левый пах воткнулся большой кусок острого металла. Он колышется вместе с током крови из бедренной артерии. «Как скорой удалось довести ее живой?» – думаю я. Над девушкой склонился самый рослый медбрат нашей больницы. Он всем весом зажал кулаком артерию, пытаясь перекрыть ток крови. На его лбу выступил пот. Под его руками из левого квадрицепса торчит осколок белой кости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.